

УДК 330.101.22

Теневые практики как источник формирования поведенческих особенностей молодежи в сфере труда**Белов Е.А.**

Кандидат социологических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры административного права,
административной деятельности и управления
Казанского юридического института МВД России

Статья посвящена анализу причин ухода значительной части современной молодежи в сферу неформальной занятости. Показаны некоторые особенности в поведении молодых людей, реализующих себя в рамках трудовой активности. Иллюстрируются способы усвоения неформальных норм и особенности изменения ценностных ориентаций молодежи. Аргументируется позиция автора, согласно которой выбор молодым человеком форм и способов занятости в определенной степени предопределен культурой.

Ключевые слова: неформальная занятость, теневой сегмент рынка труда, статусная ориентация, культура труда, теневые практики, ценностные ориентации.

В целях раскрытия сущностных особенностей формирования у молодых людей отдельных установок на труд необходимо, прежде всего, определиться с используемыми в работе терминами. Безусловно, категориальный аппарат является основополагающим при исследовании различных социальных явлений и требует четких дефиниций. Однако, рамки статьи этого не предусматривают. Соответственно, в первую очередь, предлагается фиксация отдельных терминов. Это позволит в дальнейшем взглянуть на проблемы сквозь предложенную понятийную призму.

Прежде всего, уточним тот факт, что под молодежью мы понимаем социально-демографическую, возрастную группу от 14 до 30 лет, проходящую стадию социализации, т.е. характеризующуюся отсутствием полного перечня основных социальных функций, определяющих статус взрослого (образование, работа, профессия, жилье, семья, дети и т.п.) [1, с. 18]. В качестве занятости определяем деятельность лиц, которые в течение отчетного периода выполняли определенную работу за вознаграждение [2]. Неформальной занятостью населения будем обозначать любую деятельность по производству легальных (разрешенных для реализации) товаров или услуг лицами, не учтенными в качестве занятых в неформальном секторе экономики и не имеющими надлежащего права (трудовой договор, служеб-

ный контракт, лицензию и т.п.) на осуществление данного вида деятельности [3, с. 17-19]. Соответственно, теневую практику рассматриваем в плане реальных результатов действий, совершаемых «в обход» тех или иных формализованных институтов народного хозяйства (регистрация, отчетность, лицензирование, налогообложение и т.д.) [4]. В целях выделения криминальной занятости как самостоятельного феномена будем считать, что это понятие включает занятых запрещенной деятельностью, т.е. подпадающих под определенные статьи Уголовного законодательства (контрабанда, производство и распространение наркотиков, коррупция, продажа людей и человеческих органов, проституция и т.п.). Собственно криминальная занятость понимается как преступная, социально деструктивная деятельность, использующая такие методы, как рэкет, шантаж, вымогательство и др. [5, с. 33].

В рамках нашей позиции поведение человека предопределено культурой. Экономические, психологические и иные потребности индивида обуславливают его выбор в той или иной жизненной ситуации, но сами потребности формируются в культурной среде. Соответственно, следует обозначить наше представление о культуре. Во-первых, под культурой мы понимаем сложное полисистемное образование, охватывающее все сферы жизни обще-

ства (как материальные и социальные явления, так и различные формы индивидуального поведения и организованной деятельности) [6]. Во-вторых, культура — это общественная форма саморазвития и самоутверждения человека, здесь подчеркивается связь культуры с универсальным характером деятельности человека [7]. В-третьих, для понимания процесса усвоения и передачи культурных норм необходимо раскрыть такие категории марксистской философии, как опредмечивание и распредмечивание. Опредмечивание — это процесс, в котором человеческие способности переходят в предмет и воплощаются в нем, благодаря чему предмет становится социально-культурным, или «человеческим предметом». Распредмечивание — это процесс, в котором свойства, сущность, «логика предмета» становятся достоянием человека, его способностей, благодаря чему последние развиваются и наполняются предметным содержанием [8, с. 120-122]. В-четвертых, сама культура — это система знаков, символов, атрибутов и т.п. Согласно Т. Парсонсу, культурными объектами являются символические элементы культурной традиции, идеи или убеждения, экспрессивные символы или ценностные стандарты в той степени, в какой они рассматриваются как объекты ситуации со стороны «Я». При этом отношение индивидов к ситуации определяется системой общепринятых символов, являющихся элементами культуры [9].

Таким образом, можно предположить, что трудовая деятельность предопределяет возникновение определенной культуры, позволяющей развиваться как общественным отношениям, так и самому человеку в сфере труда. Вначале индивид распредмечивает сущность культурных особенностей трудовой деятельности, усваивает стандарты поведения, а потом сам создает предметную сторону труда, т.е. насыщает его конкретными формами, свойствами и т.п. Кроме того, в сфере труда формируется система общепринятых знаков, символов и т.п., которые обуславливают реакцию окружающих на конкретную деятельность.

В последние десятилетия произошли существенные изменения в сфере труда, которые обусловили изменение культуры труда. Во-первых, изменение форм труда от производства (индустрия) в сторону сферы услуг привело к уходу от фиксированного рабочего дня, фиксированного рабочего места, фиксированной заработной платы и т.п. Во-вторых, перераспределение трудовой деятельности из государственного сегмента в частный предопределило изменение социальной политики государства, направленной на защиту только формально занятых. В-третьих, современные телекоммуникационные технологии, достижения НТР и т.п. сформировали основу для высвобождения значительного числа лиц, занятых физическим трудом, и определили возможности получения необходимого продукта при затрате гораздо меньшего количества ресурсов,

чем ранее. В-четвертых, произошла трансформация классических типов занятости и появились новые формы трудовой деятельности (аутсорсинг, надомная работа, дистанционная и т.п.). В конечном итоге, произошло размывание представлений о занятости как о четко прописанной деятельности, осуществляемой в определенных рамках.

Безусловно, неформальная трудовая деятельность имеет экономическую основу. Неформальные контакты выгодны в силу возможности использования дополнительных ресурсов. При этом, какими бы они ни были (время, статус, деньги, договорные отношения и т.п.), их экономия приносит материальную выгоду. Однако данные выгоды явились только предпосылками для стихийного создания неформальной культуры в сфере труда. На сегодняшний день можно судить о переходе неформальных трудовых практик на второй этап своего существования, обусловленный их институционализацией. Раскрытие механизма формализации теневых практик — это самостоятельная тема исследования. Однако даже без проведения энергоемких социологических исследований можно отметить тот факт, что неформальная трудовая деятельность приобретает четкие очертания (фиксированная стоимость неформальных товаров и услуг, определенный круг лиц, вовлеченных в неформальную деятельность на высшем и среднем уровнях управления, отработанные механизмы неформальных связей и отношений и т.п.). Можно отметить, что неформальные практики начинают существовать в виде символов, т.е. «логики предмета». В период смены политического строя, коренного изменения экономического и социального пространства неформальная трудовая деятельность приобрела свойства предмета. Сейчас молодые люди, впервые вступающие в трудовые отношения, распредмечивают неформальную составляющую сферы труда, воспринимая ее как данность.

Как пишет А.К. Тлехатук, в неэкономической сфере теневые практики направлены не только на получение прибыли и материальных активов, но в большей степени — на рост статусных позиций субъектов, вхождение в более статусные социальные слои, формирование сетевых сообществ [4]. Иными словами, массовизация теневых практик и проникновение их во все сферы социального функционирования российского общества свидетельствует об изменениях социетальной основы общества.

Вопросы усвоения неформальных норм или приобретения теневых практик можно проиллюстрировать на примере взаимодействия индивидов в системе образования. Молодые люди «обучаются» нарушению норм либо формируют терпимость к этим нарушениям путем списывания, уклонения от работы под различными предлогами, самостоятельного исправления оценок в журнале, даче взятки преподавателю и т.п.

Другим примером может служить трудовая деятельность подростков в период обучения в последних классах средних образовательных учебных заведений, ссузах, вузах либо на начальной стадии трудовой деятельности. Данные лица преимущественно трудоустраиваются на основании устной договоренности, договора подряда или ученического договора. Данные формы соглашений существенно отличаются от трудового договора или служебного контракта. Фактически молодым людям прививают практику трудоустройства вне четко определенного, формализованного поля трудового договора. При заключении вышеотмеченных договоренностей между работником и работодателем последний имеет заведомо преимущественное положение, которым пользуется при определении заработной платы и условий труда. В свою очередь, работник старается минимизировать свои издержки путем фальсификации результатов труда либо невысоким качеством работы. Каждая из сторон желает получить свои бонусы от данного рода отношений. В свою очередь, достаточно большой объем операций и форм расчета производятся неформально, без документирования и соответствующего отчета. Таким образом, молодой человек усваивает теневые практики как на уровне заключения договора, так и в ходе осуществления трудовой деятельности.

Теневые практики не появились сами по себе. Они были растворены в культуре. Постепенно изменялись ценностные ориентации молодежи. Ценность продуктивного, общественно полезного труда была замещена ценностью материального благополучия. Всестороннее развитие и общественное признание с первых позиций в перечне ценностных ориентаций личности переместились ближе к концу списка [10-11]. Возможно, большую роль в формировании представлений о труде в советское время играла идеология. Кроме того, отсутствие явно выраженной дифференциации в уровне дохода и культивированного уважения к различным видам деятельности привели к тому, что сам труд выступал цементирующей общество силой. Так или иначе, но молодые люди получали гарантии трудоустройства. Была развита система профессиональных училищ, в том числе при предприятиях. Эта модель позволяла в короткие сроки подготовить специалистов ручного труда и незамедлительно использовать их в производственной деятельности. Бронирование мест, распределение выпускников вузов и т.п. также создавало некоторую уверенность в будущем. В советский период молодые люди не чувствовали себя настолько обделенными и бедными, как сейчас. Они были включены в социальную жизнь общества и ориентированы на светлое будущее. Именно это позволяло им думать о потребностях более высокого порядка, чем материальное благополучие. При этом можно предположить, что молодые люди в на-

стоящее время более осознанно относятся к труду. Это выражается в понимании того, что труд должен иметь адекватное вознаграждение, а материальное благополучие – это и есть то самое вознаграждение.

Изменение ценностных ориентаций молодежи, в частности, снижение социальной ценности труда может быть объяснено глобальным расслоением общества на бедных и богатых. Молодые люди видят, что огромные капиталы часто наживаются нечестным трудом. Это деформирует сознание молодых людей. Так, согласно данным социологических исследований, проведенных автором в период с сентября 2013 г. по январь 2014 г. и результатам исследований ЦАИиР, порядка 42 % молодежи в возрасте от 15 до 29 лет приемлемо относятся к вступлению в брак по расчету, около 26 % считают допустимым брать взятки, 19 % готовы вступить в физическую близость за плату, примерно столько же могут взять силой то, что им приглянулось. Более того, при детализации вопросов выяснилось, что около четверти молодых людей в той или иной степени согласны заниматься такой деятельностью, как продажа запрещенных товаров, социальное мошенничество, вымогательство, сутенерство и т.п. При этом большая часть опрошенных работает или готова работать на основании устной договоренности с работодателем, понимая, что он не будет перечислять государству подоходный налог с зарплаты и не создаст требуемые условия труда¹. Таким образом, видно, что для многих молодых людей неважно, каким образом заработаны деньги. Деньги у них преобладают над понятием «труд». Кроме того, сам факт снижения степени значимости для молодых людей общественно полезного труда обусловлен их социально-психологическими установками. Так, если в советский период только 4 % опрошенных указали на низкое качество жизни, то сейчас эту позицию отметили 32 %. Вполне логично, что личностное восприятие своих возможностей, устремлений, желаний и т.п. обуславливает отношение к жизни. Как видим из

¹ Результаты конкретно-социологического исследования, проведенного в РТ. Метод исследования – формализованное интервью. Генеральная совокупность составила 1420198 человек в возрасте 14-30 лет. Объем выборочной совокупности – 350 человек (основываясь на расчетах В.И. Паниотто). Ошибка выборки – 5 %.

Результаты двух фокус-групп (первая – 8 человек, вторая – 8), проведенных с лицами, которые отметили в интервью, что они не совершают конкретных действий для получения желаемых статусных позиций.

РТ имеет средние показатели относительно других регионов РФ. В свою очередь, Казань является городом со средним уровнем относительной доли молодежи. Молодые люди г. Казани оптимальным образом включены в образовательный процесс, сферу труда и занятости. У казанской молодежи средние показатели по семейно-бытовому, бракоразводным и иным критериям оценки. Соответственно, на наш взгляд, результаты проведенного исследования, с определенной долей погрешности, можно экстраполировать на молодежь РФ.

результатов исследования, одна треть современной молодежи абсолютно не удовлетворена своим статусом. С одной стороны, это указывает на снижение материальной и психологической защищенности молодежи, с другой – на возросшие потребности молодых людей.

Для определения склонности молодежи к повышению своего социального статуса в рамках нашего исследования опрашиваемым был задан вопрос: «Хотите ли Вы изменить свой социальный статус и что Вы для этого делаете?». В процентном отношении варианты ответов распределились следующим образом: «желаю и стремлюсь» – 58 %, «желаю, но не стремлюсь» – 31 %, «не желаю и не стремлюсь» – 7 %, «затрудняюсь ответить» – 4 %. Безусловно, чрезвычайно важен тот факт, что основная часть молодежи не только желает повысить свой статус, но и предпринимает для этого конкретные шаги. Однако вполне отчетливо прослеживается тенденция к отказу от конкретных действий для получения желаемых статусных позиций. С целью уточнить причину этого отказа был проведен опрос данной категории лиц в рамках фокус-группы. Наиболее распространенное суждение варьировалось в пределах идеи о невозможности достижения желаемого результата законными (легальными) способами.

Если обобщить выводы по некоторым, вполне коррелирующим результатам проведенного нами исследования, то можно отметить такие позиции, как:

а) трудовая идеология, отсутствие явно выраженной дифференциации в уровне дохода, государственные гарантии и т.п. обусловили то, что в советский период были сформированы четкие представления молодежи о способах трудовой адаптации в обществе;

б) на сегодняшний день для многих молодых людей неважно, каким образом заработаны деньги, при этом именно деньги становятся доминирующим фактором при выборе форм занятости, т.е. предыдущие нормы трудовой морали перестают регулировать отношения между работником и работодателем в молодежном сегменте рынка труда;

в) одна треть современной молодежи абсолютно не удовлетворена своим статусом и считает свое социально-экономическое положение намного ниже общепринятых норм;

г) треть молодых людей в настоящее время желают изменить свой социальный статус, но не видят легальных способов для этого.

С определенной долей условности можно отметить, что данная ситуация описана в классической социологии девиации как аномия (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, А. Козн и др.) [12]. Если наложить идеи, лежащие в основе данных теорий, на исследуемый объект, то можно сконструировать следующее положение. На сегодняшний день отсутствует четкая непротиворечивая регуляция поведения молодежи

в сфере труда, что обусловлено изменением норм и ценностей в сфере трудовых отношений молодежи. Это приводит к их дезориентации. Молодые люди, не имея представлений о правильности своих действий (с позиции более старших поколений), более склонны к уходу в плоскость неформальной занятости. Кроме того, достаточно большая часть молодежной когорты находится в состоянии неудовлетворенности из-за невозможности доступными средствами повысить свой уровень благосостояния. Данная неудовлетворенность возникает в связи с акцентированием внимания на успехе и недостаточной работе по формированию у молодежи четких установок на законные средства по его достижению. Соответственно, молодые люди, не сумевшие добиться желаемого законным путем, уходят в сферу неформальных трудовых отношений или теряют интерес к более высоким жизненным ориентирам.

Таким образом, в рамках данной статьи была обоснована позиция автора относительно того, что теневые практики трансформируют трудовую культуру. Молодые люди зачастую оказываются заложниками ситуации и вовлекаются в сферу неформальной занятости, не основываясь на экономической выгоде (хотя ее роль чрезвычайно велика), а исходя из сложившихся традиций либо отсутствия явно выраженных ориентиров. Объем статьи и ее тематическая ориентация не позволили детально раскрыть вопрос появления культуры теневой трудовой деятельности и выявить ее целесообразность для индивида. Соответственно, данное направление исследования будет приоритетным в рамках дальнейшей проработки проблемы теневой занятости населения.

Литература:

1. Белов Е.А. Трудовая карьера выпускников вузов: личностные мотивации и потребности рынка труда. – Казань: КЮИ МВД России, 2009. – 171 с.
2. Хусманс Р., Мехран Ф., Верма В. Занятость, безработица и неполная занятость. – М.: Финанстатинформ, 1994. – 276 с.
3. Белов Е.А. Население в сфере теневой занятости: социально-правовой аспект исследования. – Казань: КЮИ МВД России, 2006. – 175 с.
4. Тлехатук А.К. Теневые практики в контексте социальности: (Российские реалии): дис. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2006. – 171 с.
5. Нестеров А., Вакурин А. Криминализация экономики и проблемы безопасности // Вопросы экономики. – 1999. – № 1. – С. 30-39.

6. Обыденное и научное понимание культуры. – URL: <http://www.countries.ru/library/intercult/mkob.htm> (дата обращения: 25.12.2013).
7. Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. – М.: Наука, 1980. – 303 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 42. – 514 с.
9. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. – 1996. – С. 462-478.
10. Титма М.Х. Жизненные пути одного поколения. – М.: Наука, 1992. – 184 с.
11. Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь. – М.: Мысль, 1985. – 293 с.
12. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. – Казань: КЮИ МВД России, 2013. – 302 с.

Shadow Activities as a Source of Behavioral Patterns of Youth in Labour Sphere

E.A. Belov

The Kazan Legal Institute MIA of Russia

The paper addresses the reasons for informal employment of modern youth. The author demonstrates certain behavioral patterns of working youth and illustrates the ways of acquiring of informal norms and changes in the systems of values. The author comes to the conclusion that the choice of forms of employment is predetermined by culture.

Key words: informal employment, shadow segment of labour market, status orientation, labour culture, shadow activities, system of values.

